

**ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ТРУДАХ Т. А. ГУРИЕВА:
ПЕРЕВОД «СКАЗКИ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ»
А. С. ПУШКИНА**

Е. Б. Дзапарова

В статье исследуется вклад известного осетинского ученого, доктора филологических наук Тамерлана Александровича Гуриева в развитие науки о переводе, анализируются его труды по общим и частным вопросам художественного перевода. На примере переводных лирических произведений А. Пушкина, Г. Малиева, К. Хетагурова, У. Шекспира рассматривается подход Т. А. Гуриева к решению лингвистических проблем художественного перевода, в частности к передаче в переводном тексте устаревших слов, фразеологизмов, имен собственных, междометий. Отдельное внимание в статье уделяется сравнительно-сопоставительному анализу «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина в оригинале и в переводе на осетинский язык. В осетиноязычном варианте сказки Пушкина Гуриеву удалось воспроизвести жанровые особенности переводимого текста, сохранить элементы структуры подлинника, его пунктуационные особенности, детали повествования. Тщательный подход к воспроизведению языка и формы стиха оригинала позволил переводчику достичь в переводном тексте структурно-семантического соответствия. Большого творческого таланта требовал от переводчика Гуриева перевод устаревших слов, слов-реалий, идиом, оценочной лексики. Для их передачи он использовал гипонимический перевод, уподобляющий перевод, экспликацию, функциональную замену, калькирование, механический перенос, метод компенсации. В переводе отражен национально-исторический колорит, стилистические особенности оригинального текста. При переводе архаизмов ученый прибегал к использованию в переводе лексического эквивалента, а единицу перевода компенсировал в другом месте для достижения баланса. Используемые переводческие трансформации позволили сохранить коммуникативную эквивалентность исходного текста как одну из доминирующих составляющих литературного художественного перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, сказка, А. С. Пушкин, Т. А. Гуриев, переводческая трансформация, стилистическая модификация, калькирование, компенсация, фразеологизм, слово-реалия, архаизм.

In the present article for the first time the contribution of Tamerlan Alexandrovich Guriev to the science of translation is evaluated, points of view of the famous Ossetian scientist on general and special issues of literary translation in his research works are provided. On the example of translations of lyrical works by A. Pushkin, G. Maliev, W. Shakespeare T. A. Guriev's approach to solving the linguistic problems of literary translation is considered, particularly, transferring of archaic words, phraseological units, proper names, interjections in the translated text. Special attention is paid to the comparative analysis of «The Tale of the Fisherman and the Fish» by A. S. Pushkin in the original and its translation into the Ossetian language. In the Ossetian-language version of A. S. Pushkin's fairy tale T. A. Guriev managed to reproduce the genre features of the text, to preserve the elements of the original structure, its punctuation, and the details of the narration. Careful approach to the reproduction of the language and form of the original verse allowed the translator to achieve structural and semantic correspondence in the translated text. Creative translator's talent of T. A. Guriev is evident in the way he deals with archaic words, words-realities,

idioms, evaluative lexemes. To transfer them the translator uses hyponymic translation, assimilated translation, explication, functional substitution, calques, mechanical transference and compensation method. The translation reflects the national-historical character, stylistic features of the original text. When translating archaisms translator Guriev resorted to the use of lexical equivalents in the translation, and compensated the unit of translation elsewhere to achieve balance. The translation transformations made it possible to preserve in the translation the communicative equivalence of the original text, one of the dominant components of literary translation.

Keywords: literary translation, fairy tale, A. S. Pushkin, T. A. Guriev, translation transformation, stylistic modification, calque, compensation, phraseology, word-reality, archaism.

Сфера научных интересов известного осетинского ученого Тамерлана Александровича Гуриева не ограничивалась языкознанием и фольклористикой. Большое внимание в его научных исследованиях уделялось актуальным проблемам теории и практики художественного перевода. В статьях «Стилистика архаизмов и перевод» [1], «Заметки о переводах стихотворений А. С. Пушкина на осетинский» [2], «Творчество Георгия Малиева в русских переводах» [3], рассматривая качество отдельных переводов художественной литературы, ученый концентрирует свое внимание на передаче в переводных текстах устаревших слов, фразеологизмов, имен собственных, междометий, орфографических и пунктуационных особенностей текста оригинала.

В статье «Творчество Георгия Малиева в русских переводах» Гуриевым детально анализируется передача особенностей формы и содержания стихотворения Г. Малиева «Федог» и poem «Дзандзирахъ», «Гудзуна», поднимается вопрос о сохранении в переводе стилистических особенностей текста оригинала, о воспроизведении в русских переводах звучания поэзии Малиева, силы его поэтического слова. На фактическом материале исследователь выявляет случаи игнорирования переводчиками повтора как стилистического средства, непосредственно влияющего, по его мнению, на понимание смысла

переводимых отрывков. Использование синтаксической трансформации для воспроизведения смысла оригинала — замена лексических средств исходного языка языковыми средствами языка переводящего — в случае с переводами произведений Малиева, как пишет Гуриев, не оправдано. Опускание обращения в стихотворении «Федог» к «молодежи» и его замена на собирательное «мы» в поэме «Дзандзирахъ» исказили, по мнению исследователя, замысел автора оригинала и создаваемую им в произведении картину в целом. Затронул Гуриев в статье и передачу междометий в переводах произведений Малиева на русский язык, коснулся особенностей воспроизведения в переводе их функций и стилистических свойств.

Важное место в его научно-исследовательской деятельности занимает творчество патриарха осетинской литературы К. Л. Хетагурова. Предметом научного исследования Гуриева становятся особенности интерпретации лексемы «фыййау» в русскоязычных переводах стихотворений «Æнæ фыййау», «Додой» Б. Серебряковым и А. Гулуевым [4, 185-186]. В исследовательском поле зрения Гуриева оказалась и переводческая деятельность самого Коста. Так, проводя тщательный сравнительно-сопоставительный анализ басен Крылова и Хетагурова, ученый отмечает оригинальность и самобытность произведений осетинского писателя [5, 99-111].

Особо следует отметить вклад Гуриева в развитие и укрепление межкультурных связей, в частности между народами Осетии и Индии. Благодаря его стараниям в области художественного перевода произведения Хетагурова и других осетинских поэтов при участии переводчиков Мухаммеда Шерифа, Варьяма Неги Сингха, Пуроби Роя зазвучали на хинди, бенгальском и тамильском языках¹. Гуриеву принадлежит заслуга переводов с английского на осетинский язык произведений индийских писателей: Манорамы Джафа («Индира Приадаршини»), Рабиндраната Тагора, Мульк Радж Ананда, Субраманья Бароди, Тируваллувара.

Интерес ученого к общим и частным вопросам художественного перевода не ограничивался рамками русской и осетинской литературы. В статье «Сонеты У. Шекспира на осетинском языке» [6], обращаясь к языку оригинала, он проводит сличение сонетов английского поэта с русскими переводами С. Маршака и осетинскими вариантами Т. Кокаева. Акцентируя свое внимание на возможностях осетинского языка отразить стилистические и семантические особенности языка оригинала, исследователь останавливается и на способах реализации Кокаевым намерений автора оригинала, в частности в передаче формы организации стиха, смысла некоторых слов, различных художественных приемов. Интенции автора достигаются переводчиком, в первую очередь, при доступности первоисточника, а Кокаев «передает все богатство образов и мыслей великого поэта через их восприятие... другим переводчиком» [6, 220]. В конечном счете, незнание исходного языка, недостаточно высокое качество используемых Кокаевым

подстрочников привели, по мнению Гуриева, к субъективизму при отражении в переводах оригинальной формы и содержания.

Обращаясь к переводческим проблемам художественного текста, Гуриев сам пробовал свои силы в художественном переводе. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина он перевел «Сказку о рыбаке и рыбке» [7] — «Кæ-фахсæг æмæ кæсæджы аргъау»² [8].

По мнению Гуриева, основная задача переводчика художественного произведения — тщательный подход к переводимому тексту, отражение средствами родного языка его содержания и стилистических богатств. Опираясь на основные теоретические концепции художественного перевода, ученый обратился к переводу произведения русского классика. В статье «Стилистика архаизмов и перевод» он дал возможность читателю заглянуть в свою творческую лабораторию: поделился опытом перевода литературной сказки Пушкина. Как известно, это не первая попытка перевода сказки Пушкина в осетинской литературе. Вариант его предшественника Гриса Плиева «Кæсагахсæг æмæ кæсæджы аргъау» впервые издан в 1936 г. [9]. Вариативность в языке перевода объясняется тем, что перевод устаревает, и на смену ему приходят новые. Каждый последующий перевод, в зависимости от способностей переводчиков, выявляет разные стороны одного и того же подлинника. Невозможно утверждать и то, что новый перевод лучше предыдущего.

Каждый переводчик имеет свои переводческие принципы, стратегии, свое виденье оригинала, позволяющие передать собственное восприятие, интерпретацию исходного текста,

не похожие на предыдущие. С развитием языка и переводческой теории улучшается и качество переводных текстов. Два варианта перевода тождественны между собой в подаче идейного содержания сказки Пушкина, ее сюжета, образов, но разнятся своими лексико-стилистическими средствами. Проведение сравнительно-сопоставительного анализа двух осетиноязычных вариантов сказки с оригиналом — перспективное направление для исследователей творчества Пушкина на осетинском языке. Мы же обратимся к сличению оригинального текста сказки с переводом Гуриева для выявления способов отражения переводчиком формальных особенностей, идейного смысла, слов с национально-культурной семантикой, других языковых элементов оригинала.

Используя очень популярный в фольклоре многих народов 555 сюжет³ народной сказки⁴ [10; 11; 12; 13, 84], Пушкин создал вполне оригинальное по своим художественным достоинствам литературное произведение. Сказка Пушкина труднопереводима. Особую сложность для переводчика представляют язык и форма стиха оригинала, близкие по своему строению к народному стиху. Произведение Пушкина начинается с характерного для традиционной фольклорной сказки вступления: «Жил старик со своею старухой/У самого синего моря» [7, 629]. Переводчик Гуриев использовал в своем тексте типичный зачин осетинской сказки *раджыма-раджы* (рус. давным-давно), который вполне соответствует жанровым особенностям переводимого текста.

В переводном тексте отражены все элементы структуры подлинника в

предложенной Пушкиным последовательности: обращение старика к помощи рыбки, исполнение желаний старухи, возвращение всего к исходному состоянию; воспроизведена система художественных образов оригинала, особенности композиции; сохранен поучительный смысл сказки. Строго следуя языковым особенностям текста-донора, Гуриев сохраняет в переводе его пунктуационные особенности, детали повествования. В переводе отражены характерные для произведения подобного жанра принцип повтора (трехкратное закидывание невода) и прием нарастания: гнет старика, потребности старухи, описание дома («*кæлæддзаг зæхбын*», «*бæрзонд хæдзар*», «*бæрзонд æддагуæлæ*», «*наддзахы галуан*»), беспокойство моря («*Фурд иучысыл сфæйлыдта...*»/«*Змæнтæгау скодта фурд...*»/«*Æнцад нæ уыди фурд...*»/«*Фæтар ис фурд...*»/«*Фурды сау дымгæ сыстад*,/«*Гæ уыцы тызмæггæй уылæнтæ стынг сты*,/«*Гæ уыцы цыдæй цæуыны, гæ уыцы ниудæй ниуыны*») [8].

Для преодоления языкового барьера переводчик использовал средства родного языка. Остановимся на передаче лексических средств оригинала с национально-культурной семантикой, отражающих особенности русского национального быта. Национальная интерпретация сюжета сказки требовала от переводчика нахождения своего эквивалента в языке перевода. Например, при переводе лексемы *землянка* (осет. *сыджыткъæс*) Гуриев прибегает к **уподобляющему переводу**: подбирает свой вариант на основе зрительного образа указанного жилища *зæхбын* (постройка с земляным основанием). Определяя землянку как *ветхую* (см: [14, 54]), Пушкин еще раз подчеркивает бедность

жилища старика и старухи. Гуриев, строго следуя замыслу автора, передает ее как *калæддзæг* и тем самым сохраняет значение фразы, представление образа и в переводном тексте. При передаче названия русского национального жилища *изба* использует нейтральный эквивалент *хæдзар* — «дом», что является родовым понятием по отношению к русскому слову *изба*.

Особую сложность для переводчика представлял перевод слов-реалий, значение которых малопонятно как современному представителю исходной культуры, так и носителю той культуры, для которой и выполнен перевод. Труднопереводаемость связана с отсутствием в переводящем языке аналогичной единицы из-за отсутствия самого объекта, обозначаемого этим понятием. Так, в словаре языка перевода отсутствуют аналоги словам, которые несут значительную смысловую нагрузку в сказке Пушкина. Гуриев-переводчик в процессе работы над пушкинским текстом отказывался местами от механического перенесения и старался средствами своего языка объяснить смысл переводимых лексем. Для этого используется им **гипонимический перевод** (родо-видовая замена) — видовое понятие подменяется родовым: *кичка* — *худ*, **экспликация**: *черная крестьянка* — *саувад æхкусæг*, *столбовая дворянка* — *сыгъдæгтуг æхсин*, *барыня-сударыня* — *сыгъдæгтуг æхсин-хицау*, *изба со светёлкой* — *бæрзонд хæдзар*, *душегрейка* — *уæллагуыр* (с осет. кофта), *царедворцы* — *дæлбартæ*, **субституция**: *палаты* — *галуан*, *царство* — *бæстæ*, *терем* — *æддæгуæлæ*, **транслитерация/транскрипция**: *парча* — *парча*, *бояре* — *бояртæ*, **калькирование**: *заморский* — *фæсфурдаг*. Есть и другая стра-

новедческая лексика, нашедшая в переводе равнозначные единицы, адекватно воспринимаемые в культуре реципиента: *корыто* — *арынг*, *пряжа* — *æлвисинаг*, *пряники* — *пряниктæ*, *дворяне* — *уæздæттæ*, *невод* — *хыз*, *пуще браниться* — *тызмæгдæрай загъд кæны*, *государыня* — *æхсин*, *крыльцо* — *тыргъ*, *конюшня* — *бæхдон*, *старче* — *зæронд*, *вздурилась* — *фыддæр кæны*, *перстень* — *къухдæрæн*, *чупрун* — *бецык*.

Очень важная роль в стилистическом строе языка художественного текста отводится архаизмам. Одним из критериев сохранения стилистической оригинальности оригинала в переводе, по мнению Гуриева, является отражение устаревших слов [1, 216]. «Правильный» перевод архаизмов влияет на сохранение коммуникативной эквивалентности исходного текста в переводе как одной из доминирующих составляющих литературного художественного перевода. В тексте Пушкина архаичная лексика используется для усиления художественной выразительности, для придания черт народности языку, а тексту исторического колорита.

Передача в переводе архаизмов одна из сложнейших проблем для специалистов, занимающихся вопросами переводоведения. Возникает дилемма: сохранить образ или смысл. При передаче текста из одной знаковой культуры в другую переводчик должен донести до реципиента не только его смысл, но и национально-исторический колорит, стилистические особенности исходного текста. В случае перевода устаревших слов принцип адекватной замены может привести к подмене культуры, а нахождение в активном словаре лексического аналога — к стиранию образности. Тут мы

вполне согласны с тем, что «различные переводческие трансформации при переводе лексических архаизмов используются редко. В основном, это прием функциональной замены, в частности, ее разновидности — генерализация и конкретизация» [15, 35]. Перевод архаизмов пушкинского оригинала требовал от переводчика нейтрализации исходной лексемы и нахождения замены с нужной долей экспрессии. Гуриев прибегал к использованию в переводе лексического эквивалента, а архаизм компенсировал в другом месте и таким образом достигал баланса [1, 212]. Смысловое содержание переводимых лексем сохраняется им при передаче архаизмов литературной сказки: *очи* — *цæстытæ*, *нуцæ* — *ноджы*, *молвит* — *дзуры*. Утраченный стилистический эффект восполнен переводчиком в другом месте при переводе лексем: *топор* — *цирхъ*, *стол* — *фынг*, *сапог* — *басмахъхъ*, *неделя* — *авд*, *щека* — *уадул*. Вводимые Гуриевым в перевод слова вполне вписываются в общий фон текста, а их значение не осталось за пределами восприятия читателя. Ориентация на получателя текста как доминанта при переводе позволила переводчику прибегнуть к сохранению смысла архаизмов в ущерб передаче национального колорита. В тексте Гуриев минимизировал «все незнакомое» и обеспечил его доступность для младшей читательской аудитории. Исходя из этого, на наш взгляд, неправомерно использование в переводе лишь лексемы *авд* — *семь* как архаичной формы осетинской *къуыри*, т.к. потенциальный читатель не слишком знаком с ее семантикой. В тексте: «Вот неделя, другая проходит...» — «Иу авды рацыди, рацыд дыккаг...»

Интересен перевод следующей фазы:

«Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна»
[7, 633] —

«Дæ бон хорз, сыгъдæгтуг æхсин-хицау,
Гъе ныр, æнхъæлдæн, æрцарди дæ уд» [8].

Как видим, в переводе исчез негативный смысл, заложенный автором во фразе *душенька* (вместо *душонка*). Отсутствие уничижительно-пренебрежительного суффикса в осетинском языке вынуждают переводчика прибегнуть в переводе к стилистически-нейтральному эквиваленту *уд* — *душа*. Однако передаваемый смысл и образность словосочетания Гуриевым сохранены при дословной передаче: «твоя душенька довольна» — «æрцарди дæ уд» («обрадовалась твоя душа»).

Не менее трудоемкого и ответственного подхода от переводчика требовал перевод слов с ярко выраженной экспрессивной окраской, слов разговорного стиля. Употребление в речи героев (старика/старухи) подобной лексики стилистически оправдано как средство социальной символики. Приведем примеры слов с ярко выраженным оценочным значением из оригинала и перевода: *сварливая баба* — *загъдæргом зæронд*, *проклятая баба* — *æлъыст съл*, *простофиля* — *бынтон хуырым*, *дурачина* — *æдылы*. В переводе в основном сохраняется денотативное и коннотативное значение переводимых единиц. Лишь местами в переводном тексте наблюдается олитературивание фрагментов оригинала: экспрессивное слово *баба* заменено нейтральной лексической единицей *зæронд* (старая). Стилистическая модификация вполне оправдана при переводе оценочной лексики.

Некоторые трудности у переводчика вызвал перевод крылатого выражения «*Что ты, баба, белены объелась?*» [7, 634]. Гуриев не стал доносить читателю информацию о безумии старухи своими средствами или подбирать в переводящем языке равнозначный фразеологизм (например, «*Дæ сæры зонд фæццыд*»), а переводит буквально «*Цы дыл æрцыд, зæронд, кæндыс бахордтай?*» [8, 3]. Дословный перевод образной единицы, на наш взгляд, не смог вызвать у реципиента нужной реакции. Утраченный образный аспект содержания оригинала компенсирован переводчиком при переводе других элементов смысла подлинника. Для передачи лексических средств исходного языка использует устойчивые выражения — фразеологизмы: *ругает* — *фыд калы* (адекв. поливает грязью), *не осмелился* — *нæ бахаста ныфс*, *желание* — *зæрдæ цы агуры*, *забранить* — *загъды бын фæкæнын*. А там, где можно было использовать идиому языка перевода, переводит полным эквивалентом: *не давать покоя* — *иу ран нал уадзын*, *нет и следа* (равнозн. *не осталось и следа*) — *фæд дæр нал ис*. Подобный перевод позволил переводчику дополнить образный строй текста и донести до читателя содержание фразеологизма как целостной единицы, а не значение отдельных компонентов.

Калькирование русской поговорки «*Не садися не в свои сани!*» — «*Искай дзаныгъы ма бад!*» в осетиноязычном тексте, как кажется, оправдано в том случае, если читатель знаком с русской культурой и со значением передаваемой единицы. Семантика русского оборота речи «не берись за дело, в котором ничего не понимаешь» могла быть донесена переводчиком с помощью объяснения его значения средствами осетин-

ского языка «*цы дæ бон у, уый ма кæн*». С другой стороны, дословный перевод данной пословицы сохранил ее образную основу, устойчивость, целостность, экспрессивность.

Обращает на себя внимание и перевод последней фразы:

*Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто* [7, 634].

Как известно, идиома «*остаться у разбитого корыта*», впоследствии прочно вошедшая в наш лексикон, впервые употреблена в сказке Пушкина и отсюда приобрела свое объяснение: «остаться ни с чем», «потерпеть крах», «потерять все нажитое из-за своей жадности», «возврат к исходному состоянию или положению вещей». Для передачи исходного фразеологизма в переводной текст Гуриев использует метод калькирования:

*Кæс-ма: фæстæмæ та йæ разы
кæлæддзаг зæхбын;
Йæ зæронд ус къæсæрыл бадь,
Йæ размæ та — саст арынг*» [8].

Обыгрывание идентичного образа в осетиноязычном переводе, как представляется, вполне возможно, так как дословная передача легко воспринимается в культуре переводящего языка и не создает тяжеловесности текста. Другие оптимальные варианты передачи фразеологизма — подбор в словаре языка перевода семантического эквивалента, построенного по другой фразеологической модели, и описание смысла переводимого словосочетания — обычно приводят к столкновению культур и чреваты утратой образности. Очень важное смысловое значение в тексте несет адъективная лексема «*разбитый*». Глубинный смысл,

заложенный автором в образном определении, рассмотрен Е. В. Колчинской. Исследователь связывает функционирование эпитета в тексте Пушкина не столько с материальным благополучием, сколько с духовными явлениями, в частности, с неудачной семейной жизнью, с человеческими отношениями (разбитое сердце) [16, 134]. Нужно отдать должное переводчику за то, что он не стал искать близких замен для придания тексту большей выразительности (например, *фаст арынг*, *зæронд арынг*, *рагон арынг*, *дæрæн арынг* и др.) или дополнять своими деталями, а сохраняет информативность исходного эпитета и в переводе — *саст арынг*.

Обращает на себя внимание и сохранение в переводе синтаксической трансформации [17, 57] — элиминации в тексте глагола: «Глядь: опять перед ним землянка.../А пред нею разбитое корыто» — «Кæс-ма: фæстæмæ та йæ разы кæлæддзаг зæхбын.../Йæ размæ та — саст арынг».

Таким образом, анализ переводческих трансформаций, используемых Гуриевым при передаче «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина на осетинский язык, показал, что переводчику удалось передать не только содержание исходного текста, но и сохранить народность языка оригинала, стиль русской сказки, заложенный в ней глубокий смысл.

Примечания:

1. Языком-посредником при переводе произведений К. Хетагурова выступил английский язык. Подстрочный перевод на английский язык выполнен Т. А. Гуриевым.
2. Перевод напечатан в газете «Рæстдзинад» под псевдонимом Тасо Гуру в 1999 г. [8, 3]
3. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне-Андерсена.
4. Источником сказки Пушкина послужила померанская сказка «Рыбак и его жена», вошедшая в сборник братьев Гримм 1812 г. Образ золотой рыбки использован в фольклорной традиции многих народов. Присутствует рыба как исполнительница желания и в осетинской волшебной сказке («Сказка о трех братьях» [10, 73–76], «Сказка о рыбаке» [11, 77–80]), «Сказка о жене и муже» [12, 60–63; 13, 84]).

1. *Гуыриаты Т.* Архаизмы стилистикæ æмæ тæлмац // Т. А. Гуриев. Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010. Ф. 209–213. (на осет. яз.)

2. *Гуриев Т. А.* Заметки о переводах стихотворений А. С. Пушкина на осетинский // Т. А. Гуриев. Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010. С. 214–217.

3. *Гуыриаты Т.* Малиты Георгийы сфæлдыстад уырыссаг тæлмацты // Ирæф. 1996. №3. Ф. 117–131. (на осет. яз.)

4. *Гуыриаты Т.* Къостайы «фыййау» уырыссаг тæлмацты // Венок бессмертия/Материалы Международной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. Владикавказ, 2000. Ф. 185–186. (на осет. яз.)

5. Гуриев Т. А. В жанре басни // *Весь мир — мой храм: К 130-летию со дня рождения Коста Хетагурова*. Орджоникидзе, 1989. С. 99–111.
6. Гуриев Т. А. Сонеты У. Шекспира на осетинском языке // Т. А. Гуриев. *Сборник избранных статей*. Владикавказ, 2010. С. 218–225.
7. Пушкин А. С. Сказка о рыбаке и рыбке/А. С. Пушкин. *Сочинения*. В 3-х т. М., 1985. Т. 1. С. 629–634.
8. Пушкин А. С. Кæфахсæг æмæ кæсæджы аргъау // *Рæстдзинад*. 1999. 23 января. (на осет. яз.)
9. Пушкин А. С. Кæсагахсæг æмæ кæсæджы аргъау. Плиты Грисы тæлмац // *Мах дуг*. 1936. № 2. Ф. 38–41. (на осет. яз.)
10. *Сказка о трех братьях* // *Волшебные сказки*. В 2-х ч./Сост. Д. В. Сокаева. Владикавказ, 2010. Ч. 2. С. 73–76.
11. *Сказка о рыбаке* // *Волшебные сказки*. В 2-х ч./Сост. Д. В. Сокаева. Владикавказ, 2010. Ч. 2. С. 77–80.
12. *Сказка о жене и муже* // *Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований*. Ф. Дзагурова Г. А. Д. 28.
13. Сокаева Д. В. *Указатель осетинских волшебных сказок (по системе Аарне-Андерсена)*. Владикавказ, 2004.
14. Дзапарова Е. Б. Поэзия А. С. Пушкина на осетинском языке: о вариантах перевода стихотворения «Зимний вечер» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 5-2 (47). С. 52–55.
15. Шмелева М. Н. Архаизмы и церковнославянизмы в произведениях А. С. Пушкина и проблема их перевода на английский язык: Дисс.... канд. филол. наук. М., 2004.
16. Колчинская Е. В. «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина: варианты интерпретации в диаспоре // *Русская литература в иностранной аудитории*. СПб., 2015. Вып. 5. С. 126–138.
17. Дзенс Н. И., Перевышина И. Р. *Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий*. СПб., 2012.